

Enka (ein Pseudonym). „Während der Manöver“. (Aus den Erinnerungen eines Offiziers). // Zeitschrift „Razwedschik“ (Aufklärer), 1904, Nr. 702, s. 345-346.

№ 702.

журналъ Военный и литературный.

6 апрѣля 1904 г.

Подписная цѣна
съ доставкой и пересылкой
на годъ 6 руб.
На 1/2 года 4 р., на 3 мѣсяца
2 р., за границу 5 р.
Отдѣльные №№ по 15 к.
За перемѣн. адр. 2½ к. Статьи
и замѣтки должны быть за под-
писью и адрес. автора. Въ случаѣ
надобн. статьи передѣлаив. въ ре-
дакц. Для личныхъ объясн. ре-
дакц. открыта исключ. позвѣ-
н. по понедѣльн., средамъ и пят-
ницамъ отъ 3 до 5 час. вечера.

Годъ XVII. Начать съ № 689. —♦— С.-Петербургъ, Колокольная, 14. —♦— Выходитъ еженедѣльно.

СОДЕРЖАНІЕ: Портретъ генералъ-маіора Константина Ивановича Величко.—Приказъ по Военному Вѣдомству.—Приказъ Военнаго Министра.—Распоряженія по округамъ.—Наши дѣлшки (пятая дюжина) XI, и XII. М. Драгомирова.—Японская армія Гривъ.—Ружья Японской арміи. Ви. Пе.—Пособія семействамъ офицеровъ въ военное время. Н. Э.—На маневрахъ. Энка.—Нашимъ чудо-богатырямъ. Л. Челисовъ.—Корреспонденція «Развѣдчикъ».—Новыя изданія: Лѣтисонъ войны въ Японіи. Ви. Пе.—Замѣтки.—Объявленія.—Война съ Японіей.—Періодическія изданія.—Высочайшіе указы.

Первые номера журнала „Развѣдчикъ“ за текущій годъ разошлись полностью, а потому новымъ подписчикамъ журналъ „Развѣдчикъ“ будетъ высылаться съ № 701-го, отъ 30 марта, до конца сего года съ платою 5 руб. 50 к. съ пересылкой.

Руководство для адъютантовъ Зайцева печатается 9-мъ изданіемъ; необходимость согласовать его съ новымъ положеніемъ о письмоводствѣ задержала выходъ изданія, которое поступитъ въ продажу въ концѣ Апрѣля.

Лица и учрежденія, уже приславшія свои требованія на это изданіе въ складъ В. А. Березовскаго, будутъ удовлетворены немедленно по выходѣ книги изъ печати.

Генералъ для особыхъ порученій при командующемъ Манчжурской арміи, инженеръ генералъ-маіоръ

**Константинъ Ивановичъ
ВЕЛИЧКО.**

Родился въ 1856 году. Образование получилъ во 2-й Петербургской военной гимназіи, Николаевскомъ инженерномъ училищѣ и Николаевской инженерной академіи, которую окончилъ первымъ съ занесеніемъ имени его за отличные успѣхи на маршровую доску. Въ 1876 г. произведенъ въ подпоручики въ 8-й саперный баталіонъ. Участвовалъ въ кампаніи 1877—1878 гг.

въ составѣ 1-го сапернаго баталіона. Въ 1881 г. при окончаніи академіи произведенъ въ штабсъ-капитаны съ переводомъ въ инженерный корпусъ и назначеніемъ на службу въ Одесскій военный округъ. Въ 1883 г. назначенъ репетиторомъ по фортификаціи въ Николаевскую инженерную академію. Въ 1889 г. произведенъ въ подполковники. Въ 1892 г. назначенъ съ Высочайшаго соизволенія постояннымъ членомъ комиссіи по вооруженію крѣпостей. Въ 1893 г. произведенъ въ полковники. Въ 1895 г. назначенъ управляющимъ дѣлами комиссіи по вооруженію крѣпостей и въ томъ же году—экстраординарнымъ профессоромъ Николаевской инженерной академіи. Въ 1897 г. назначенъ совѣтательнымъ членомъ Артиллерійскаго Комитета. Въ 1898 г.—ординарнымъ профессоромъ, въ 1901 г.—заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ и въ томъ же году произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1903 г. назначенъ помощникомъ начальника главнаго инженернаго управленія, съ оставленіемъ въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, совѣтательнаго члена Артиллерійскаго Комитета и управляющаго дѣлами комиссіи по вооруженію крѣпостей. Съ младшихъ чиновъ принималъ участіе въ трудахъ разныхъ комиссій по вопросамъ атаки и обороны нашихъ крѣпостей и образованія инженерныхъ войскъ; между прочимъ въ комиссіи по береговой оборонѣ подъ предѣлительствомъ Его Имп. Выс. Великаго Князя Михаила Николаевича, въ трудахъ по организаціи особаго запаса и въ комиссіи по выработкѣ Положенія объ управленіи крѣпостями. Въ теченіе 8 мѣсяцевъ 1892 и 1893 г. состоялъ въ распоряженіи командантовъ крѣпостей Ковно и Новогеоргиевска, участвуя во всѣхъ практическихъ занятіяхъ и маневрахъ гарнизоновъ этихъ крѣпостей. По вопросамъ крѣпостной обороны былъ командированъ неоднократно въ наши крѣпости и за границу, въ государства: Румынію, Германію, Францію, Бельгію и Голландію, а въ 1899 г. съ Высочайшаго соизволенія былъ командированъ на Дальній Востокъ, гдѣ составилъ, по соглашенію съ мѣстнымъ начальствомъ, проекты крѣпостей Портъ-Артура и Владивостока. Понутно съ преподаваніемъ фортификаціи въ Николаевской инженерной академіи и академіи Генеральнаго Штаба издалъ рядъ ученыхъ трудовъ: «За и противъ броневыхъ закрытій фортификаціонныхъ сооружений» (1885 г.), «Исслѣдованіе новѣйшихъ средствъ осады и обороны крѣпостей» (1888 г.), «Оборонительныя средства крѣпостей противъ ускоренныхъ атакъ» (1892 г.), «Крѣпости и крѣпостныя желѣзныя дороги» (1898 г.), «Инженерная оборона государствъ» (1903 г.), изъ коихъ нѣкоторые переведены на иностранныя языки. Крімъ того печаталъ рядъ статей по военнымъ вопросамъ въ Военныхъ Журналахъ, «Сборникъ» и «Русскомъ Инвалидѣ» а также и въ общей печати.

не исчерпывала вопроса, о части оставляемого семьѣ содержания, ст. 56, подвергшаяся измѣненію приказомъ по воен. вѣд. 1903 г. № 476.

Такимъ образомъ, если не периодическую, то, по крайней мѣрѣ, постоянную денежную помощь военно-служащаго, кому-либо изъ указанныхъ (престарѣлыхъ, немощныхъ, неспособныхъ къ труду) членовъ его семьи, представляется крайне необходимымъ приравнять къ условію совместнаго проживанія съ ними до выступленія въ походъ.

Казалось бы, что, одновременно съ выдачею аттестатовъ на денежное довольствіе семьи, ближайшее начальство военнослужащаго могло бы выдавать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, и соответствующее удостовѣреніе о неспособности къ труду, съ одной стороны, и объ оказаніи военнослужащимъ денежной помощи, до выступленія въ походъ, съ другой. Основаніемъ для выдачи такого удостовѣренія могло бы служить соответствующее свидѣтельство, подлежащаго гражданскаго начальства, удостовѣряющее относительно нуждающагося члена семьи: неимѣніе средствъ, неспособность къ труду и постоянную денежную помощь лица, состоящаго на действительной службѣ (сына, брата).

Наконецъ, фактъ постоянной денежной помощи могъ бы въ такихъ случаяхъ быть, кромѣ того, удостовѣряемъ и подлежащими документами почтово-телеграфнаго вѣдомства (о денежныхъ пакетахъ и переводахъ).

Н. З.

* * *

На маневрахъ.

(Изъ воспоминаній пѣхотнаго офицера).

На осеннихъ маневрахъ прошедшаго года въ Виленскомъ военномъ округѣ между Двинскомъ и Борисовымъ, когда пошла уже четвертая недѣля, какъ мы выступили со своихъ квартиръ, и ждали рѣшительнаго боя, который долженъ былъ произойти черезъ нѣсколько дней, генералъ-майоръ Ренненкампфъ былъ назначенъ начальникомъ летучаго отряда, въ который входили кромѣ всей кавалеріи еще нѣсколько командъ охотниковъ отъ пѣхоты.

Весь день передъ началомъ дѣйствій летучаго отряда погода была чрезвычайно капризная: небо, то прояснялось, то снова заволакивалось тучами, выпуская цѣлые потоки воды. Вѣтеръ то усиливался, то затихалъ. Дороги, по которымъ приходилось идти, были глинистыя, поля отъ непрерывныхъ дождей превратились въ болота. Охотники пришли въ деревню, гдѣ была собрана кавалерія, когда уже стемнѣло. Дождь прекратился, и солдаты рады были хатамъ и сараямъ, чтобы немного просушиться и привести себя въ порядокъ.

Офицеры собрались въ одной избѣ, генералъ со штабомъ въ другой. Первые дѣлали мелкія распоряженія, отдыхали, разговаривали; вторые — изучали карту мѣстности, рѣшали, писали приказанія.

Наконецъ все угмонились: офицеры — спали, штабъ свое дѣло сдѣлалъ и тоже былъ отпущенъ на покой. Одинъ генералъ все ходилъ по избѣ, сосредоточенно думая. Онъ то

смотрѣлъ на карту и брался за циркуль, то подходилъ къ окну и прислушивался къ погодѣ.

Тучи надвигались и обволакивали все небо. Въ трубѣ завывалъ вѣтеръ и шелестилъ соломой на крышѣ. Тьма становилась гуще.

Генералъ вышелъ на крыльцо, вѣтеръ набросился на него, сорвалъ фуражку и хлопнулъ со злобными дверью. Генералъ посмотрѣлъ на небо — все черно, кругомъ — тоже черно: земля, сарай, изгородь. Вѣтеръ все тотъ же порывистый, сырой.

— Такъ! — какъ бы одобрительно замѣтилъ генералъ и вернулся къ себѣ.

Хозяйка подала самоваръ, вѣстовой досталъ закуски, вскорѣ пришелъ пѣхотный подполковникъ, назначенный начальникомъ всѣхъ охотничьихъ командъ, и они вмѣстѣ усѣлись пить чай, разговаривая о предстоящей задачѣ.

Въ окна заколотилъ дождь. Капли все чаще и чаще ударили по стекламъ, вѣтеръ усилился и съ шумомъ ударилъ ставнями.

— Погодка-то! — замѣтилъ подполковникъ.

— Да, ничего себѣ! — согласился генералъ.

— Прикажете-ка нашимъ собираться, чтобы построились здѣсь у избы, — немного погоды обратился генералъ къ собесѣднику, а самъ позвалъ вѣстового.

Черезъ послѣдняго онъ приказалъ и кавалеріи вытравиться по дорогѣ, не переходя дома.

Спустя нѣсколько времени, пришли командиры кавалерійскихъ полковъ и начальники командъ. Незамѣтно и штабъ появился тутъ же. Всѣ входили мокнуть же. Всѣ входили мокрые, растрепанные вѣтромъ, въ полголоса посылая погоду ко всѣмъ чертямъ.

— Что! погодка-то какова?! обратился генералъ. — Давно я ее дождался! въ самый разъ! — и онъ, какъ былъ въ китель, вышелъ изъ избы.

— Смотрите-ка, — обратился онъ къ сопровождавшимъ его офицерамъ, — развѣ это не прелесть?! Да, теперь ни одинъ чертъ насъ не будетъ ждать! — И онъ спокойно покуривалъ напропусъ, стоя подъ дождемъ, со всѣхъ сторонъ охватываемый вѣтромъ.

Всѣ посмотрѣли на небо, на непроглядную тьму, пожились и потомъ, пропустивъ впередъ генерала, вернулись въ избу.

Одни были согласны, другіе думали: «все это хорошо — будь настоящая война, а то маневры — даромъ и людей и коней мучить!»

Генералъ будто отгадалъ ихъ мысли и, какъ бы всколѣзы, замѣтилъ, что, по крайней мѣрѣ, сегодняшній маневръ принесетъ пользу, и имъ, и нижнимъ чинамъ. А то ужъ больно всѣ привыкли «по мирному» да «на бумажкѣ».

Занялись разборомъ плана предстоящаго набѣга, и, пока говорили, выясняли и рѣшали, охотники и кавалерія стигнули.

Генералъ, еще разъ повторивъ каждому, что нужно дѣлать, узнавъ, у всѣхъ ли есть планы мѣстности, и отдалъ послѣднія распоряженія, отпустилъ, принявшись самъ снаряжаться въ дорогу.

Пока каждый изъ начальниковъ объяснялъ нижнимъ чи-

Подполковникъ
Верещагинъ
Къ кор. «Омскъ».

намъ планъ дѣйствій, отдавалъ приказанія, что кому дѣлать, кутаясь въ плащи, такъ какъ шелъ страшный ливень, вышелъ и самъ генералъ.

Въ китель, съ фуражкой немного на бокъ, онъ какъ будто не чувствовалъ потоковъ дождя, обдававшихъ его со всѣхъ сторонъ. Вѣтра словно для него не существовало. Онъ сѣлъ на коня, оберегая лишь напироеу, чтобы не потухла и, объѣхавъ ряды отряда, двинулся спокойно впередъ, въ эту мрачную пропасть полей, лѣсовъ, горюкъ и рѣчекъ, сплошь покрытыхъ густымъ мракомъ.

— Ишь-ты! словно, гулять вышелъ на солнышко!—говорили между собой солдаты, кивая по направленію генерала, и всѣ присадились, прибодрились и весело двинулись за своимъ начальникомъ. Такое пренебреженіе генерала къ погодѣ заставляло и ихъ невольно не обращать вниманія на ураганъ съ дождемъ.

Такъ началось одно изъ трудныхъ предпріятій въ тѣ маневры.

И не буду рассказывать о томъ, какъ этотъ ночной набѣгъ вполнѣ удался; какъ непріятель былъ застигнутъ врасплохъ, аванпосты были сняты, часть артиллеріи забрана и, когда всѣхъ серьезно потревожили, удалились назадъ, сдѣлавъ переходъ около 50 верстъ; что охотники ни одинъ не отсталъ и всѣ почти одновременно пришли къ сборному пункту, хотя кавалерія временами ѣхала рысью; скажу только, если съ такимъ одушевленіемъ и усердіемъ дѣлалось въ мирное время, когда большая часть скептически относится къ подобнымъ подвигамъ, то что же можно ожидать, когда будетъ угрожать серьезная опасность и непріятель будетъ настоянѣй. Такой начальникъ будетъ дѣлать чудеса! Ужъ не говоря про дѣйствительныя боевыя способности, одно только обаяніе, ибра въ такого начальника, невозможное сдѣлаетъ возможнымъ.

Энка.

Нашимъ чудо-богатырямъ.

Вамъ, испытаннымъ героямъ
Прошлыхъ, славныхъ битвъ,
Боже шлетъ благословенье
Русь, среди молитвъ.

Съ нерушимой, твердой вѣрой
Какъ въ святой завѣтъ,
Духъ отчизны уюваньемъ
Въ подвигъ вашъ согрѣтъ.

Въ бурномъ заревѣ Востока,
Обнаживши мечъ,
Суждено вамъ честь и славу
Родины сберечь.

Духъ Суворова и многихъ
Доблестныхъ именъ
Вамъ напомнитъ шумъ священный
Боевыхъ знаменъ.

Часъ насталъ! сыны Россіи,
Проливая кровь,
Постоять за Русь святую
Призваны вы вновь.

Съ нами Богъ! на подвигъ честный,
Какъ бывало встарь,—
Васъ призвалъ самодержавный
Батюшка нашъ Царь.

Взоръ прикованъ всего міра
Къ вамъ, и дерзкій врагъ
Дорогой цѣной заплатитъ
За коварный шагъ.

Стойте, братцы! съ облегченьемъ
Боевыхъ невзгодъ
Русь потокомъ безконечнымъ
Къ вамъ сѣшнитъ впередъ.

Л. Чемисовъ.

Омскъ. 25 февраля на Омскомъ военномъ кладбищѣ опущено въ могилу тѣло безвременно погибшаго лѣтомъ прошлаго года въ Саянахъ подполковника генеральнаго штаба Ильи Ивановича Верещагина, занимавшаго послѣднее время должность штабъ-офицера для особыхъ порученій при командующемъ войсками Сибирскаго военного округа.

Въ 1901 г. И. М. былъ командированъ на изученіе южнаго склона Нарымскаго хребта. Поднимаясь съ долины верхняго Иртыша черезъ Вольшеалтайскій хребетъ въ долину р. Бухтармы, И. И. совершилъ весьма опасный путь, переходя переправы черезъ горныя бурныя рѣки, ледники и скалистые перевалы.

Въ 1902 году И. И. былъ командированъ для изученія суровой горной страны къ югу отъ озера Байкала. Горная система, ограничивающая съ юга Святое Сибирское море, покрыта суровою тайгой и совершенно не имѣетъ удобныхъ переваловъ. Съ 2-мя казаками и небольшимъ вьюкомъ, борясь съ грандіозной суровой и пустынной природою, онъ пересѣкъ эти горныя цѣпи въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Кто не видалъ тайги, кто не встрѣчался съ бушующими стремнинами горныхъ потоковъ, тѣсно скованныхъ отвѣсными скалами, тотъ только не пойметъ всѣхъ опасностей такого пути.

Прошлый годъ И. И. пришлось отправиться для изслѣдованія той части южной системы, которая прилегаетъ къ рѣкѣ Енисею.

Пробираясь по направленію отъ Минусинска на Усинское село, въ глухой тайгѣ по заброшенной тропинкѣ, онъ встрѣтился со знакомою ему картиною переправы черезъ бурную горную рѣку. Но этотъ случай былъ для него роковымъ. Переправляясь черезъ одинъ изъ притоковъ Енисея, р. Казырь Сукъ, на излитіи И. И. погибъ.

Тѣло его не могло быть вывезено лѣтомъ изъ тайги и было похоронено тамъ же. И вотъ только теперь, зимою, на лыжахъ оказалось возможнымъ вынести бревенные останки труженика и съ подобающею честью отдать ему послѣдній долгъ, предавъ его тѣло землѣ на военномъ кладбищѣ *).

И. И. умеръ 35 лѣтъ, оставивъ послѣ себя молодую вдову и 4-хъ малолѣтнихъ дѣтей.

Просятъ авторовъ, желающихъ имѣть отзывъ о своихъ трудахъ военного содержанія, присылать по 2 экз. новыхъ изданій въ редакцію «Развѣдчикъ». С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

Лѣтопись войны съ Японіей. Изд. Дубенскаго. Выпускъ I—й. Цѣна по подпискѣ за три мѣсяца—3 руб. Отдѣльный №—25 коп.

*) На гробъ погибшаго были возложены вѣнки: отъ офицеровъ генеральнаго штаба, отъ сослуживцевъ штаба Сибирскаго округа, отъ географическаго общества, отъ семьи и другіе.

1904 „Während der Manöver“

Aus den Erinnerungen eines Infanterie-Offiziers

Autor: Enka (N.K. = Pseudonym)

--Zeitschrift "**Raswedtschik**" (*Aufklärer*), 1904, Nr. 702, Seiten: 345-346.--

Es geschah im letzten Jahr während der Herbstmanöver des Wilnenski Militärbezirkes in der Nähe der Orte Dwinsk und Borissow. Es war bereits die vierte Woche, seitdem wir unsere Quartiere verlassen hatten und alle bereiteten sich auf den entscheidenden Kampf (*Schlacht*) vor, der einige Tage später erwartet wurde. Der **General-Major Rennenkampff** hatte das Kommando über alle Kavallerie-Truppen, zu denen auch einige Jäger-Kompanien der Invanterie gehörten.

Vor dem Tag des Angriffs war das Wetter sehr wechselhaft: der Himmel klarte für kurze Zeit auf, dann aber kamen dicke Wolken und ließen wieder kräftige Wasserströme fallen. Der Wind wehte bald sehr kräftig, legte sich aber danach wieder. Die Lehmwege waren schwer zu begehen und die Felder verwandelten sich in einen Sumpf. Am späten Abend, als es schon dunkel war, erreichten die Jäger-Kompanien in ein Dorf, in dem die Kavallerie bereits angetroffen war. Es regnete nicht mehr und die müden Soldaten freuten sich auf die Häuser und Scheunen, sie hofften ihre nasse Uniformen dort trocknen zu können, sich ein wenig in Ordnung zu bringen und sich auszuruhen.

Die Offiziere versammelten sich in einem Bauernhaus, der General mit seinem Stab in einem anderen. Die Ersten trafen kleine Verordnungen, ruhten sich aus, unterhielten sich; die Andern - studierten die Landkarte, faßten Entscheidungen und schrieben Befehle.

Endlich kamen alle zur Ruhe - die Offiziere schliefen und nachdem die Stabsoffiziere mit ihren Vorbereitungen fertig waren, durften auch sie zur Ruhe gehen. Nur der General ging immer noch im Zimmer hin und her und dachte ganz konzentriert nach. Bald beugte er sich über die Landkarte und nahm den Zirkel in die Hand, bald ging er zum Fenster und lauschte das Wetter.

Dunkle Regenwolken bedeckten nach und nach den ganzen Himmel. Ein starker Wind jaulte im Schornstein und ließ das Stroh auf dem Dach rauschen. Allmählich wurde es stockdunkel.

Der General ging raus auf die Vortreppe und wurde sofort von einem heftigen Windstoß erfaßt, dieser riß ihm seine Uniformmütze vom Kopf und knallte wütend mit der Tür. Der General schaute zum Himmel auf - er war schwarz, und ringsum war auch alles schwarz: der Hof, die Scheunen, der Zaun, alles. Der Wind hatte sich nicht gelegt - er war immer noch kräftig und feucht.

- So ! - sagte der General und kehrte mit einem zufriedenen Lächeln ins Haus zurück.

Die Hauswirtin stellte den Samowar auf, seine Ordonnanz holte was zu essen und stellte es auf den Tisch. Bald darauf kam auch der Infanterie-Unteroberst, der den Oberbefehl über die gesamten Jäger-Truppen hatte. Die beiden tranken in Ruhe Tee und unterhielten sich über die bevorstehenden Aufgaben.

Draußen fing es an stark zu regnen und große Regentropfen trommelten immer kräftiger gegen die Fensterscheiben und der Wind klapperte laut mit den Fensterläden..

- Das ist ein Wetter! - ließ der Unteroberst fallen.

- Ja, es geht so! - bestätigte der General.

- Befehlen Sie Ihren Soldaten, sich hier vor dem Haus aufzustellen, - sagte er kurz darauf zu seinem Gesprächspartner und selbst rief er nach der Ordonnanz.

Er ließ diesen sowie auch die Kavallerie-Truppen zum Haus bestellen, sie sollten sich auf der Dorfstraße bereitstellen.

Einige Minuten später stellten sich auch die anderen Kommandeure ein. Der Stab erschien ebenfalls ganz unauffällig im Hause. Alle aber kamen naß und vom Winde zerzaust herein und fluchten halblaut über das unmögliche Wetter und wünschten, es möge sich zu allen Teufeln scheren.

- Na, wie ist das Wetterchen? - Fragte der General. - Schon lange habe ich auf so eins gewartet. Genau das, was wir brauchen! - und so, wie er mit einem Kittel bekleidet war, ging er aus dem Haus.

- Schaut mal - wandte er sich an die ihn begleitenden Offiziere, - Ist es nicht wundervoll? Es ist ja klar, daß uns jetzt kein Teufel erwartet. - Er stand da vom Regen und Wind umweht und rauchte ruhig seine Zigarette.

Alle schauten zunächst zum Himmel auf, dann um sich in die stockdunkle Nacht, krümmten sich und gingen nach dem General wieder ins Haus.

Die Einen waren einverstanden, die Anderen dachten im Stillen: "Es mag ja gut sein, wenn es ein tatsächlicher Krieg wäre, dies sind ja nur einfache Manöver - lohnt es sich da Menschen und Pferde zu quälen!"

Der General hatte anscheinend ihre Gedanken gelesen und sagte so ganz nebenbei, daß das heutige Manöver jedenfalls ihnen, so wie auch den Soldaten, nützlich sein würde und im Übrigen hätten sich die meisten zu sehr an das "Friedliche" und an das "Vorgeschriebene" gewöhnt.

Dann wurden noch einmal alle Einzelheiten des bevorstehenden Manövers besprochen, und als der Plan fertig war, warteten auch schon alle Truppen zum Abmarsch bereit vor dem Haus auf der Dorfstraße.

Der General wiederholte noch einmal kurz die zugewiesenen Aufgaben, vergewisserte sich, daß jeder eine Karte hatte und schickte die Offiziere raus zu den Soldaten. Dann begab er sich selbst auf den Weg.

Genau zu der Zeit, als die Offiziere ihren Untergebenen alle Aufgaben erklärt und die Befehle erteilt hatten, kam auch der General aus dem Hause. Das Wetter wurde immer schlimmer: es goß in Strömen und der Wind entwickelte sich zum Sturm.

Während sich alle, in Ihre Mäntel gehüllt, vor dem Unwetter schützten, war der General mit einem Kittel bekleidet, die Mütze nach hinten geschoben, er tat so, als ob der in Strömen auf ihn herunterfallende Regen ihm nichts ausmachte. Der Wind existierte für ihn in dem Moment ihn überhaupt nicht. Er verbarg nur seine Zigarette in der Faust, damit sie vom Regen nicht gelöscht wurde, sprang in den Sattel seines Pferdes und ritt ganz ruhig die Soldatenreihen entlang. Dann begab er sich an der Spitze seiner Truppen in die finstere Höhle von Feldern, Wäldern, Hügeln, kleinen Flüssen und Bächen, die alle in die Stockdunkelheit eingetaucht waren.

- Sieh mal, unser General! Als ob er einen Ausflug unter warme Sonne macht! - sprachen die Soldaten zu einander und richteten sich auf. Dieser Anblick hatte auch sie ermuntert und mit guter Laune folgten sie ihren Kommandeuren. So half der General, durch die Nichtbeachtung des stürmischen Unwetters, seinen Untergebenen trotz Sturm und Regen, den Vormarsch gut motiviert vorzunehmen. So begann eine der schwierigsten Aufgaben der damaligen Manöver.

Darüber, wie gut der nächtliche Angriff gelungen war, wie der Gegner völlig überrascht wurde, wie die Awan-Posten entwaffnet und ein Teil der Artillerie einund mitgenommen wurde, und nachdem wir den Gegner ganz kräftig gestört hatten, uns zurückzogen, ließen dabei fast 50 Werst (1 Werst = 1,067 km) hinter uns; und daß all unsere Jäger fast gleichzeitig wieder beim Treffpunkt eintrafen, obwohl die Kavallerie manchmal auch im Trab war; werde ich hier nicht berichten. Ich meine nur: wenn der Dienst auch in friedlichen Zeiten, in denen die meisten eine solche Heldentat skeptisch betrachten, mit so großem Eifer und Begeisterung geleistet wird, so kann man sich vorstellen, wie hoch diese Leistungen während eines echten Krieges erst sein werden, wenn eine ernste Gefahr und ein wirklicher Feind drohen.

So ein Befehlshaber wird mehrere Wunder verrichten können. Abgesehen von seinen allerbesten Militärfähigkeiten, kann allein seine Ausstrahlung und das volle Vertrauen zu so einem solchen Kommandeur das Unmögliche möglich machen.

Enka. (N. K.)